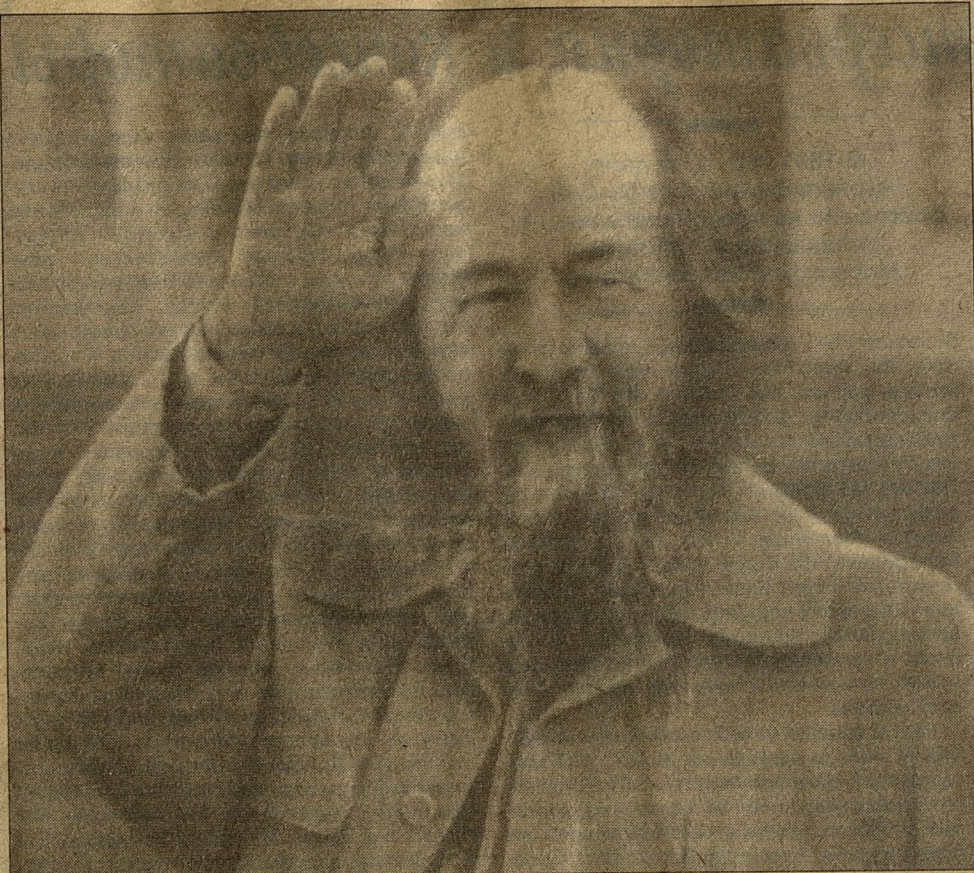

Посетив Лихтенштейн
и Швейцарию, Александр
Солженицын, совершающий
свою первую поездку
по Европе после изгнания
из СССР, прибыл во Францию.
Специальный корреспондент
«Московских новостей»
находился в студии
телеканала «Франс-2», когда
оттуда шла трансляция
известной культурологической
передачи «Буйон де кюльтюр»,
гостем которой согласился
стать Солженицын.

Солженицын в Париже

Моск. новости - 1993. - 26 сент. - с. 35

Очевидно, к ведущему самой престижной культурной программы французского ТВ, звезде «серьезного телеэкрана» Бернару Пиву Солженицын испытывает серьезное доверие. До этой последней передачи он уже дважды давал интервью тому же Пиву — сначала в Париже в 1975 году в передаче «Апостроф» (посвященной литературному творчеству и только-только появившимся книгам), затем в 1982 году (он принял Пива уже у себя дома в Вермонте). В Париже по-разному относятся к Пиву — уровень его еженедельных передач, естественно, не одинаков. Однако он, несомненно, нашел редкую на западном телевидении форму — в меру элитарную, в меру популяризаторскую, — представления широкому зрителю литературной культуры, в первую очередь французской. Передачи Пива — это ориентир для французов в книжном магазине, поэтому ее ведущего так опекают издатели.

Осторожный в своих контактах с прессой, Солженицын не смог проигнорировать приглашения прийти на передачу «Буйон де кюльтюр», название которой в переводе на русский можно вольно трактовать как «Кипение культуры». Ради такого гостя передачу, выходящую, как правило, после десяти вечера, перенесли на более раннее время, в самый «прайм тайм», после восьмичасового выпуска последних известий. По существующей традиции, намечались предварительные показы короткое интервью Солженицына, данное ведущему новостей, но, судя по всему, писатель уклонился от такого представления и приехал в студию буквально за несколько минут до начала основной передачи. Возможно, это не очень важный штрих, но во всем поведении Солженицына до, во время и после эфира ощущалось определенное неприятие «светскости», привычно сопровождающей такого рода мероприятия, на которых собирается околосредотворенный бомонд. Писатель довольно строго отказался от предложенных правил и вообще всем своим обликом давал понять, что намерен вести себя в соответствии со своими собственными привычками.

Вопросы — помимо дирижировавшего передачей Пива — задавали трое: философ Ан-дрэ Глюксман, бывший корреспондент «Монд» в Москве (и автор «МН») Бернар Гетта, политолог Жан-Клод Казанова. Очевидно, что беседа можно было вести двумя путями — либо вступить в полемику с Солженицыным, либо служить передаточным звеном для вопросов, которые интересуют широкую зрительскую аудиторию. Был избран второй вариант, что сделало передачу более информативной и плавной. Солженицын подробно рассказал, что и как он собирается делать в России, где жить, что писать. Однако для людей, хорошо знающих Россию, это лишило программу остроты и не позволило задержаться на противоречиях во взглядах Солженицына.

Реакция газет подкрепила такое ощущение: «В студию «Франс-2», видевшую немало звезд современного мира, пришел пророк, — написали они назавтра, — XX века».

Думаю, что в первые минуты многим присутствовавшим было прежде всего инте-

Из выступления Александра Солженицына на ТВ «Франс-2»

«Трудностей моей адаптации к России я не предвижу, потому что я 55 лет прожил в России в самых тяжелых и низких социальных условиях, я не просто никогда не видел никакого комфорта, никакого благополучия, у меня даже не было ни дома, ни квартиры. Я всегда шел по социальным низам, и хотя общий уровень в России упал, меня он нисколько не удивит, я к нему вполне готов.

Наше несчастье русское такое длительное будет, что не поздно мне будет приехать и еще моей жизни не хватит поучаствовать во всем.

Я насытился за 19 лет в Вермонте одинокой писательской работой, уже поэтому я не замкнулся. Я не буду участвовать в избирательной кампании, не буду баллотироваться на какой-либо пост и не приму назначения от правительства, какое бы мне ни предлагали. Но теперь для меня откроется возможность широкого общения с моими соотечественниками и возможность общественного участия в разных областях нашей жизни.

Писатель должен, в моем понимании, не разъединять свой народ, не приобщаться к какой-нибудь партии, фракции или политическому движению, но писатель должен по возможности объединять свой народ. Вот эта роль вполне общественна и она писателю доступна.

Я буду ездить по стране, я буду выступать перед моими простыми соотечественниками, не кем-то специально избранными, а просто живущими в данной местности. Прессы я избегать не буду, однако я должен сказать, что пресса сегодня (чтобы вы не заблуждались) в России отнюдь не независима. Все главные органы телевидения находятся на дотации правительства, и они все не смеют говорить в полную силу, и они должны считаться с тем, что они получают дотации.

Поскольку я не буду считаться ни с каким авторитетом, я не связан ни с каким политическим движением, ни с какой политической партией, ни с каким политическим лицом, я буду говорить то, что я считаю полезным и нужным для России, не считаясь с тем, что этому нравится, а этому не нравится — а завтра наоборот. Очень может быть, что меня начнут ограничивать в праве говорить, я не удивлюсь, если ограничат доступ к телевидению, доступ к прессе.

Религия, безусловно, нужна, но ее нельзя насильственно насаждать и даже нельзя усиленно пропагандировать, она передается от одного человека к другому, как интимный дар, как медленное воспитание. Если даст Бог, этот процесс у нас пойдет, если скажутся наши русские корни — тогда мы спасены, а если не скажутся, то тогда это очень длительный процесс».

ресно, как поведет себя человек такого масштаба в общении со студийным телевидением, самым «легковесным» из современных средств массовой информации. В целом передача не разочаровала, несмотря на то, что ее восприятие затруднял перевод, и французский вариант, естественно, ужимал мысль Солженицына. Сам он после окончания программы в беседе с корреспондентом «МН» признал, что с русскими ему говорить было бы, конечно, легче и понимания было бы больше. Мнений по поводу передачи много, однако рискну сделать вывод: на французов, хотя и признающих его заслуги, но все же настороженно ожидавших выступления, Солженицын произвел неожиданно доброе впечатление. Мои собеседники — литераторы, журналисты, политологи — отмечали его доброжелательное и уважительное отношение к ведущим участникам передачи, открытость, спокойствие, решимость, ясный язык и бодрое физическое состояние. В речи этого человека слышался голос совести и с уважением отмечали, что он не опустился до уровня мелких политических разборок (здесь от них тоже страдают).

Одно из самых типичных мнений: «Надо его принимать таким, какой он есть». Этот подход позволил многим пропустить мимо ушей резкие высказывания Солженицына по поводу французской революции и религии. Впрочем, предстоящая поездка русского писателя в Ванделю, где будет отмечаться 200-летие контрреволюционного восстания, уже вызвала полемику в газетах. Солженицын оставляет впечатление человека, живущего в своем мире: он далек от понимания эмоций французов, их отношения к Термидору или к Декларации прав человека, он даже оторван от проблем России — по крайней мере так считают многие во Франции после этой передачи...

В самом конце программы ведущий Бернар Пиву по традиции задал вопрос, который он задает всем своим собеседникам: что они сказали бы Богу после своей смерти. Последовал такой диалог между ним и Солженицыным:

Пиву: Если Бог существует — конечно, вы скажете, что он существует, — то что бы вы хотели услышать от него после вашей смерти, обращенное к вам лично?

Солженицын: Снимаю вашу оговорку «если ли Бог» — он есть. Но, кроме того: не претендую, чтобы Бог обратился ко мне. А что бы я просил? Просил бы простить мои грехи.

Пиву: Но представим...

Солженицын: Так вот, я бы просил простить мои грехи.

Пиву: Нет, нет! Но вы не хотите, чтобы вам кто-то сказал...

Солженицын: Я не претендую на то, чтобы он разговаривал со мной.

Пиву: Вы слишком скромны.

Солженицын: Нет, не скромн. Каждый из нас невольно — кто верит в Бога — всегда с ним общается. Это не со мной, это с миллио-нами.

Пиву: И вы с ним разговариваете, и он вам тоже говорит?..

Солженицын: И говорю, и разговариваю. Мы чувствуем его присутствие, мы живем, потому что получаем добавочную энергию от него.

Следует добавить, что в основном поездка Солженицына в Европу сугубо частная — он встречается с друзьями, с издателями.

Дмитрий ЯКУШКИ

спежкор «МН»

П